

"ЭФФЕКТ ЗЕРКАЛА"

(Журнал "Вильям энд Мэри куотерли"
и современная американская историография)

С.И. Жук

Исторический журнал, если его рассматривать в определенной временной перспективе, может служить своеобразным "историографическим зеркалом", отражающим основные тенденции развития, колебания, стремления, представления, наконец, способы существования определенного сообщества историков. К тому же сам исторический журнал (особенно если он достаточно специализирован) играет роль уже "зеркала тождества", когда историки, придерживающиеся позиции данного журнала, как бы отождествляют себя с ним, противопоставляя себя другим. Подобный "эффект зеркала" позволяет стороннему наблюдателю посредством анализа публикаций журнала проследить как общее развитие историографической ситуации, так и положение того сообщества, которое группируется вокруг исследуемого журнала.

Пятидесятилетний юбилей третьей серии американского журнала "Вильям энд Мэри куотерли: Журнал истории и культуры ранней Америки" (далее: ВМК) представляет удобный предлог для использования описанного выше "эффекта зеркала" на примере публикаций этого журнала. В конце прошлого века группа любителей краеведов и несколько преподавателей одного из старейших высших учебных заведений США, колледжа "Вильяма и Мэри" в Вильямсберге, в Виргинии, задумали издавать серию документальных материалов по краеведению и истории южных штатов в колониальную и революционную эпоху (т.е. с начала XVII по конец XVIII в.). В 1891–1892 гг. выходили номера первого тома этого издания, получившего название "Вильям энд Мэри куотерли", так как издание публиковалось в колледже "Вильяма и Мэри" 4 раза в год, т.е. поквартально. В 1921 г. издание это превратилось в ежеквартальный журнал по раннеамериканской истории, преимущественно по истории чезапикских колоний Виргинии и Мэриленда. Эти метаморфозы ознаменовали рождение новой, второй серии журнала "Вильям энд Мэри куотерли".

И наконец, появление третьей, нынешней серии этого журнала связано с основанием нового учебного и исследовательского центра США. В 1943 г. в Вильямсберге был организован Институт истории и

культуры ранней Америки, главным печатным органом которого и стал возрожденный журнал "ВМК".

В конце XIX в. местной, краеведческой (в том числе и ранней) американской историей занимались в основном дилетанты-любители. В последние десятилетия XIX в. только происходит складывание профессиональной историографии США со своими институтами, ритуалами и ценностями. Напомню, что в большинстве своем классики "ранней" ("романтической") школы американской историографии не имели специального исторического образования и рассматривали историю как дидактико-политический вариант беллетристики. Такое отношение к истории сказалось и на первой серии "ВМК". Публикации данной серии – это или краеведческие очерки без особого анализа исторического материала, или же исторические документы с неплохими комментариями любителей истории своего края¹.

Новое поколение американских историков первой половины XX в. уже ориентировалось на позитивистские ценности специального научного анализа прошлого. Поэтому во второй серии "ВМК" краеведческие очерки вытесняются обширными повествованиями о раннеамериканской истории, построенными на скрупулезном анализе документов, в духе Л. фон Ранке: описывать прошлое, "как оно действительно было"². В работах нового поколения историков под влиянием идей "прогрессистов" появляются элементы социально-экономического анализа и используются методы экономики, демографии и других наук. Но в целом, как и в работах историков-"романтиков", развертывание преимущественно *политических* событий в повествовании "прогрессистов" сохраняет свою синтезирующую, связывающую воедино разрозненные факты прошлого роль, когда колониальное прошлое США оценивается с точки зрения единственной телеологической перспективы: Войны за независимость и рождения США. Поэтому в 20–30-е годы XX в. на страницах "ВМК" сохраняются традиции поучительно-патриотического рассказа о раннеамериканской истории как о событийной "предтече" будущего величия Соединенных Штатов, "предназначенных для этого самой судьбой". Истоки этого величия одни историки видели в "британских" и "гевтонских" корнях, перевезенных колонистами-европейцами (так формировались концепции "имперской" школы в американской историографии), другие историки подчеркивали приоритетное значение чисто американских условий (так родилась идея о "подвижной границе" Фр. Дж. Тернера). Именно в период издания второй серии "ВМК" в историографии США закрепляется представление о ведущей роли в истории ранней Америки двух регионов – пуританской Новой Англии и рабовладельческого Юга, ставших моделями будущего развития для всего американского общества. Как видим, к выходу в свет третьей

¹ См.: (Edward Kimber). Observations in Several Voyages and Travels in America // William and Mary Quarterly. (Далее: WMQ). 1st Ser. 1906–1907. / Vol. 15. P. 146–216.

² См.: Craven W. An Introduction to the History of Bermuda // WMQ. 2nd Ser. 1937. Vol. 17. P. 176–465; 1938. Vol. 18. P. 13–163.

серии "ВМК" основные синтезирующие модели истории ранней Америки уже сформировались и появилась целая группа серьезных историков, занимающихся специально проблемами колониального прошлого США. На основе этой группы ученых собственно и возник в 1943 г. как институт, так и журнал истории и культуры ранней Америки.

Поначалу журнал продолжал традиции повествования о преимущественно *политической* истории ранней Америки. Но специфика материала колониального периода, в котором отсутствовали яркие политические события, характерные для последующих этапов истории США, вынуждала историков обращаться к анализу общества и культуры. Так уже в 1946 г. на страницах "ВМК" появилась интересная статья о роли американских колонистов в развитии британской науки, а в 1951 г. была опубликована статья Дж. Помфрета о квакерах колонии западной Нью-Джерси. Впервые на страницах "ВМК" Помфрет обратил внимание читателей на использование социологии религии (в том числе и веберовской) для изучения роли квакерских общин в процессе формирования общества "срединных (т.е. находящихся между Новой Англией и Югом) колоний". Анализ поведенческих норм и стереотипов, этоса и мировидения именно *квакеров* предлагал новому поколению историков *альтернативу* привычной и вездесущей модели *пуританского этоса*, который, по мнению большинства историков, считался ранее главным компонентом в процессе генезиса американской культуры³.

В публикациях "ВМК" третьей серии продолжают появляться и привычные для предыдущих серий документальные материалы по истории ранней Америки. Но главным достоинством новой серии стали интересные исследовательские статьи, в которых привлекаются необычные теоретические подходы, методы и варианты интерпретации. Парадокс заключается в том, что институт и журнал по истории ранней Америки, созданные в пору ожесточенного противоборства "западного атлантизма" с гитлеровским фашизмом и сталинским коммунизмом для укрепления и обоснования социокультурной традиции истории, ее преемственности, оказались в положении "ниспровергателей основ" той самой, историографической традиции, которую они призваны были защищать. Несмотря на господство консенсусных концепций истории, в "ВМК" стали публиковаться достаточно радикальные работы уже с начала 60-х годов. Это объяснялось тем, что сфера колониальной истории оставалась по-прежнему своеобразной концептуальной целиной для многих молодых историков, которые привнесли в нее не только радикализм молодости, но и свежесть мысли, необычность постановки проблем.

В 60-е годы начинается настоящая эпистемологическая революция в западной (в том числе и американской) историографии. У историков изменяются приоритеты в написании и интерпретации истории. "История-проблема" вытесняет "историю-повествование". Становится мод-

³ Stearns R. Colonial Fellows of the Royal Society of London, 1661–1788 // WMQ. 3rd Ser. 1946. Vol. 3. P. 208–268; Pomfret J. West New Jersey: A Quaker Society, 1675–1775 // Ibid. 1951. Vol. 8. P. 493–519.

ным отказ от исторического нарратива. Научной считается теперь та история, которая использует междисциплинарные методы; повышается уровень сциентизма, "научности" в истории. Обязательным становится требование научной проверки данных. А с усилением научной специализации происходит дробление самого предмета истории. На смену универсальным теориям общественного "прогресса" либерального или социалистического толка приходят более специальные концепции Т. Куна о смене парадигм как пути развития всякой науки, М. Мид и К. Леви-Стросса о структурах общества и культуры, отвергающих традиционную иерархическую таксономию культур и формаций; М. Фуко о речи-дискурсе, структурирующей поведение и культуру людей и т.п.⁴ На смену "вертикальным" метафорам (физическое/ментальное, базис/надстройка, сознательное/бессознательное) приходят ассоциативные метафоры и понятия о структурах. Структурализм стал особенно модным течением среди представителей интеллектуальной истории и историков культуры.

Так уже в 1962 г. на страницах "ВМК" появляется настоящий манифест структурализма – статья Н. Грабо о роли эстетики в раннеамериканской интеллектуальной истории. Грабо в качестве наиболее действенного предложил структуралистский анализ для исследования литературы ранней Америки. Он подчеркивал, что "интеллектуальный историк" (в нашей отечественной традиции этому понятию соответствует – "историк литературы") не должен игнорировать эмоциональный фон истории, который, в свою очередь, зависит от исторического времени, а искусство этого времени (которое само по себе имеет глубоко символический смысл для любого общества) "структурирует и выражает природу человеческих чувств"⁵. Как видим, наряду с привычным "эволюционным рядом" в описании событий прошлого появляется "ряд структурный": событие или процесс расчленяется уже не на хронологические этапы, а на структурные элементы, выбор которых всецело зависит от воли самого исследователя.

С начала 60-х годов в англо-американской историографии получают распространение идеи кембриджского историка Кв. Скиннера, который на материале политической истории применил теорию речевого акта; согласно которой действие речи приравнивалось к социальному действию; а через речевой акт, по мнению Скиннера, историк может выявить глубинные, связанные с намерением структуры сознания действующих лиц в истории. Друг и последователь Скиннера Дж. Поуккок, сравнивая политическую идеологию Англии XVII в., политическую философию Н. Макьявелли и идеологию конституционализма и республиканизма в США конца XVIII в., использовал теорию речевого акта для выделения основных элементов политической риторики

⁴ Кун Т. Структура научных революций. М., 1977; Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1983; Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1977.

⁵ Grabo N. The Veiled Vision: The Role of Aesthetics in Early American Intellectual History // WMQ. 1962. Vol. 19. P. 493–510.

(речевого дискурса в духе М. Фуко), которые определяли мышление и поведение политических лидеров истории. В своей "социологии идей" Поукок проследил дискурс республиканизма от Аристотеля и Полибия через взгляды Н. Макьявелли и Дж. Гаррингтона вплоть до идеологии "отцов-основателей" США: Т. Джефферсона, Б. Франклина, Дж. Мэдисона. Следуя теории Скиннера, Поукок выделяет два типа республиканского дискурса, сформировавших две противостоящие друг другу политические идеологии: 1) республиканизм "страны" (демократии), т.е. идеологию вигов в Британии и джефферсоновских республиканцев в США; 2) республиканизм "двора" (центральной власти), т.е. идеологию тори в Британии и гамильтоновских федералистов в США. Взгляды Поукока, высказанные им в статье 1965 г., стали основой и отправным пунктом для последующих исследователей американской идеологии XVII–XVIII вв.⁶

В 60-е годы появляются статьи с использованием междисциплинарных методов. Так в 1965 г. на страницах "ВМК" была опубликована полемическая работа Х. Роя Мерренса об исторической географии и истории ранней Америки. Мерренс на примере отдельных типов колонизации Северной Америки продемонстрировал необходимость учета в историческом повествовании не только эмоционального фона и речевого дискурса, но и географического окружения, климатических и даже бактериологических условий жизни колонистов. Позже, в 1976 г., этот интерес к исторической географии приведет к публикации супругов Ратмен о роли климата и разливов рек в распространении малярии и росте смертности среди колонистов ранней Виргинии. Но в отличие от Мерренса супруги Ратмен не ограничились только географическим анализом. Они показали социальные последствия увеличения смертности родителей в Виргинии. По их мнению, это привело к ослаблению родительского контроля и моральных запретов в семье, способствовало росту самостоятельности детей, их гибкости и приспособляемости к новым социальным условиям. В конечном итоге в районе Чезапики сформировался новый тип личности: более инициативный, независимый и предприимчивый, нежели пуританин Новой Англии, который традиционно служил для историков примером первого американского предпринимателя⁷.

Эпистемологическая революция совпала с (и во многом определялась) леворадикальным движением интеллигенции (так называемых "новых левых") против буржуазного истеблишмента. Это нашло отражение и в публикациях "ВМК". Так уже в 1965 г. в статье Дж. Хен-

⁶ Pocock J. Machiavelli, Harrington, and English Political Ideologies in the Eighteenth Century // Ibid. 1965. Vol. 22. P. 549–583; Appleby J. What Is Still American in the Political Philosophy of Thomas Jefferson? // Ibid. 1982. Vol. 39. P. 287–309; Gordon C. Crafting a Usable Past: Consensus, Ideology, and Historians of the American Revolution // Ibid. 1989. Vol. 46. P. 671–695.

⁷ Merrens H. Historical Geography and Early American History // Ibid. 1965. Vol. 22. P. 529–548; Rutman D., Rutman A. "Of Agues and Fevers": Malaria in the Early Chesapeake // Ibid. 1976. Vol. 33. P. 31–60.

ретты о колониальном Бостоне, а в 1966 г. в статье Г. Нэша о Пенсильвании ситуация в колониях на рубеже XVII–XVIII вв. рассматривалась исключительно в духе ожесточенной классовой (а la Карл Маркс) борьбе между эксплуататорами: пуританской и квакерской купеческой олигархии и эксплуатируемыми: бедными фермерами и "работниками". В те же годы еще один "бунтарь", сочетавший академическую работу с активной "левацкой" политической деятельностью, – Дж. Леммиш обратился к истории морского пролетариата и его классовой борьбе, чтобы показать решающую роль народных масс в Американской революции XVIII в.⁸

Более взвешенные оценки социальных конфликтов в ранней Америке нашли отражение в статье М. Зукермана. Зукерман, не отрицая конфликт по поводу распределения собственности в колониях, обратил внимание на то, что социальные статус и зависимость в традиционном обществе колоний связывались прежде всего с возрастом поселенцев, а не только с их отношением к средствам производства (т.е. чем старше был колонист, тем богаче и независимее он становился, и наоборот). Многих добросовестных историков возмущала новая тенденция молодых "левых" интеллектуалов отрицать с моральной точки зрения позитивную роль капитализма, крупных собственников, и того самого истэблишмента, который, кстати, позволил им получить образование и определенный статус в обществе. Так в 1970 г. "ВМК" опубликовал работу С. Бок Кима о положительной роли лендлордов, хозяев маноров в истории колониального Нью-Йорка. Нельзя забывать, что в XVIII в. заселение этой колонии проходило в основном за счет освоения колонистами земли маноров. Крупные землевладельцы, ориентировавшиеся на рынок, были заинтересованы в увеличении количества арендаторов на своих землях; между владельцами маноров существовало своеобразное соперничество за привлечение на свои земли фермеров. Даже минимальная рента, взимаемая в натуральной форме, обеспечивала достаточно высокий доход крупным землевладельцам, которые вывозили зерно своих арендаторов на продажу в Нью-Йорк. Но тем не менее социальные противоречия и конфликты (пусть и не "классовая борьба", привычная нам, постсоветским американистам) существовали в городах, крупных торгово-ремесленных и портовых центрах ранней Америки. В ответ на попытки восстановить "консенсусную" картину прошлого, в 1971 г. на страницах "ВМК" А. Куликофф, совмещая методологию К. Маркса и М. Вебера, убедительно доказал наличие имущественного неравенства и обострение социальных конфликтов в таких городах, как Бостон,

⁸ *Henretta J. Economic Development and Social Structure in Colonial Boston // Ibid. 1965. Vol. 22. P. 75–91; Nash G. The Framing of Government in Pennsylvania, Ideas in Contact with Reality // Ibid. 1966. Vol. 23. P. 183–209; Lemisch J. Jack Tar in the Streets: Merchant Seamen in the Politics of Revolutionary America // Ibid. 1968. Vol. 25. P. 371–407; см. также в этом духе: Rediker M. "Under the Banner of King Death": The Social World of Anglo-American Pirates, 1716 to 1726 // Ibid. 1981. Vol. 38. P. 203–227.*

накануне Войны за независимость⁹ Но как бы ни были "революционны" по своей методологии и фразеологии работы "левых": Г. Нэша, Дж. Хенретты, Дж. Лемиша и А. Куликоффа, – их сюжеты укладываются в традиционную схему американской историографии, сформулированную еще "отцами-основателями" и "романтиками" XIX в. Первоначально в колониальном обществе Америки XVII в. традиционалистские отношения крестьянской общины, пуританской конгрегации и Общества Друзей (квакеров) оберегали поселенцев от нужды и страданий. По мере модернизации американского социума в XVIII в. происходило вытеснение прежних отношений и забвение религиозных норм и заветов отцов, результатом чего и явились обостренные социальные противоречия, рост имущественного неравенства и т.п.

Как видим, возобновление такого социологического и экономического анализа в истории ранней Америки потребовало от историка новой исследовательской техники, особой специализации, большего внимания к изучению определенных социальных групп на микро- (семья, домохозяйство) и макро- (община, округ, приход) уровне. Этому способствовало распространение среди молодых историков методов английских и французских демографов, а позже немецкой и французской социологии, а затем англо-американской "символической" антропологии в духе К. Гиртца¹⁰. В результате таких специализаций и ориентаций историков к началу 70-х годов родилась "новая социальная" история ранней Америки. Рождение подобной социальной истории ознаменовалось в 1970 г. публикацией четырех монографий, посвященных историко-демографическим исследованиям небольших общин Новой Англии¹¹.

Выход в свет этих книг вызвал бурные дискуссии на страницах многих исторических журналов в США, в том числе и "ВМК". Но, как оказалось, одного демографического анализа в изучении общества ранней Америки было явно недостаточно. Чтобы избежать односторонней картины прошлого необходимо изучать американское общество и изнутри, исследуя его ментальность и этос. В 1970-х годах "ВМК" публикует три статьи молодого австралийского историка Р. Айзека, который дополняет демографический и социологический анализ ранней Америки исследованием ее культурной антропологии. Используя мето-

⁹ Zuckerman M. The Social Context of Democracy in Massachusetts // Ibid. 1966. Vol. 23. P. 183–209; Kim S.B. A New Look at the Great Landlords of Eighteenth-Century New York // Ibid. 1970. Vol. 27. P. 581–614; Kulikoff A. The Progress of Inequality in Revolutionary Boston // Ibid. 1971. Vol. 28. P. 375–412.

¹⁰ Жук С.И. Макс Вебер и социальная история // Вопросы истории. 1992. № 2/3. С. 172–178.

¹¹ Demos J. A Little Commonwealth: Family Life in Plymouth Colony. N.Y., 1970; Greven Jr. Ph. Four Generations: Population, Land and Family in Colonial Andover. Massachusetts. Ithaca, 1970; Lockridge K. New England Town: The First Hundred Years, Dedham, Massachusetts, 1636–1736. N.Y., 1970; Zuckerman M. Peaceful Kingdoms: New England Towns in Eighteenth Century. N.Y., 1970.

дологию антрополога К. Гиртца, Айзек рассматривает культуру как систему символов. На основе богатого источникового материала по истории Виргинии второй половины XVIII в. Айзек создает первую в историографии ранней Америки "историческую антропологию" колониального общества. Он исследует различные "системы значений" (системы ценностей), которые фиксировались в культуре колониальной Виргинии: это и смысл окультуренного ландшафта, ритуализированное значение образа жизни, архитектуры, внутреннего устройства домов, танцев и других форм жизнедеятельности виргинцев. Даже религиозные конфликты в Виргинии Айзек представляет как символическое противостояние культурных систем английской плантаторской элиты и баптистского фермерского простонародья¹². Влияние культурной антропологии в раннеамериканской историографии, лучшим свидетельством чего стали работы Айзека, объяснялось распространением среди исследователей религиозной истории методологии М. Вебера, социолога Т. Парсонса и антрополога К. Гиртца, представивших религию как символическую систему значений¹³.

Обращение американских историков к внутреннему духовному миру своих предков связано было также с появлением в США в 60–70-е годы хороших переводов работ французских историков "школы Анналов", посвященных историческому мироощущению (менталитету) средневековья. И в 1978 г. Дж. Хенретта уже на страницах "ВМК" обратился к проблеме менталитета раннеамериканского общества, вызвав своей публикацией бурную дискуссию среди своих коллег-историков¹⁴. В противовес идеям Ч. Гранта, Ф. Гревена, Р. Бушмена и Дж. Лемона о распространении в колониальной Америке "предпринимательского менталитета" и ценностей "либерального индивидуализма", Хенретта показал, что главным в мировидении первых американцев были не индивидуалистические, а **семейные ценности**. Именно семья в обществе ранней Америки составляла основу существования и всех представлений колонистов о мире. Этот спор о соотношении общинных и индивидуалистических ценностей, коллективистских и капиталистических ориентаций в истории ранней Америки после публикации статьи Хенретты периодичес-

¹² *Isaac R.* Religion and Authority: Problems of the Anglican Establishment in Virginia in the Era of the Great Awakening and the Parsons' Cause // *WMQ*. 1973. Vol. 30. P. 3–36; *Idem.* Evangelical Revolt: The Nature of the Baptists' Challenge to Traditional Order in Virginia, 1765 to 1775 // *Ibid.* 1974. Vol. 31. P. 345–368; *Idem.* Dramatizing the Ideology of Revolution: Popular Mobilization in Virginia, 1774 to 1776 // *Ibid.* 1976. Vol. 33. P. 348–362.

¹³ *Smith T.L.* Congregation, State and Denomination: The Forming of the American Religious Structure // *WMQ*. 1968. Vol. 25. P. 155–176; *Butler J.* "Gospel Order Improved": The Keithian Schism and the Exercise of Quaker Ministerial Authority in Pennsylvania // *Ibid.* 1974. Vol. 31. P. 431–542; *Zuckerman M.* The Fabrication of Identity in Early America // *Ibid.* 1977. Vol. 34. P. 3–32.

¹⁴ *Henretta J.* Families and Farms: Mentalité in Pre-Industrial America // *WMQ*. 1978. Vol. 35. P. 3–32.

ки выливался и на страницах "ВМК" то в виде дискуссий об уровне жизни или отдельных статей о материальных условиях существования американских колонистов¹⁵. Многие историки пытались в своих работах представить какой-то баланс этих казалось бы несовместимых ориентаций.

Но лишь в 1990 г. на страницах "ВМК" появилась статья, автор которой Д. Викерс смог построить свою интерпретацию, примирившую споривших оппонентов. Парадокс заключается в том, что его интерпретация социально-экономического развития, совместившего в одно целое различные ценности ранней Америки, строится на хорошо известной уже "левым" историкам неомарксистской концепции Э.П. Томпсона о "моральной экономике"¹⁶. Нельзя подходить к поведению американцев XVII–XVIII вв. с мерками нашей современности и видеть в их стремлении обеспечить своим семьям "условия выживания" только капиталистическую предприимчивость. По мнению Викерса, подходящей метафорой развития той экономической культуры, которая господствовала в ранней Америке, будет "отказ от "моральной экономики" европейского мелкого производителя. "Моральная экономика" как возрождение традиционного, типичного для средневековья отношения к труду и собственности противостояла, по мнению Томпсона, политической экономике капитализма. В Америке, где отсутствовали такие острые социальные противоречия, как в Европе, привозившие в Новый Свет свои морально-экономические представления переселенцы трансформировали главное из них: обеспечение мелкому собственнику-производителю условий его хозяйственной самостоятельности. А экономическим отношением самостоятельных домохозяйств при интеграции их в атлантическую экономику неминуемо становится конкуренция. Таким образом, Викерс снимает противоречие между семейными и капиталистическими ценностями в ранней Америке. Необходимость поддержания семейного домохозяйства требовала от его членов постоянной экономической предприимчивости. Отсюда и совмещение в одном социокультурном контексте черт традиционного крестьянина и предпринимателя.

Рубеж 70–80-х годов – начало пересмотра и отказа от основ модернистской гуманитарной науки Запада. Это время ознаменовалось появлением интересных ревизионистских статей (в том числе и на страницах "ВМК"), связанных с пересмотром привычных оценок и интерпретаций истории. Во-первых, по-новому пытались оценивать идейные истоки философии американского Просвещения, взгляды Б. Франклина

¹⁵ *Smith B.G.* The Material Lives of Laboring Philadelphians, 1750 to 1800 // *WMQ*. 1981. Vol. 38. P. 161–202; *Forum: Toward a History of the Standard of Living in British North America* // *Ibid.* 1988. Vol. 45. P. 116–170; *Kulikoff A.* The Transition to Capitalism in Rural America // *WMQ*. 1989. Vol. 46. P. 120–149.

¹⁶ *Vickers D.* Competency and Competition: Economic Culture in Early America // *WMQ*. 1990. Vol. 47. P. 3–29.

и Т. Джефферсона¹⁷. Во-вторых, опровергали привычные оценки любых социальных конфликтов как непрременной классовой борьбы и старались посмотреть на эти конфликты с иной точки зрения, например, как способ защиты собственности¹⁸. И, наконец, увлечение исторической демографией привело к своеобразной "деконструкции" исторического процесса. Цельный поток исторических событий вытеснили бесконечные структуры семьи и селений, которые, в свою очередь, распадались на свои собственные подструктуры¹⁹.

Усиление внимания к речевому дискурсу, который уже не создает (конструирует), а разрушает (деконструирует) материальное естество истории, свидетельствовало о появлении в раннеамериканской историографии новых тенденций постмодернистской эпохи, и прежде всего постструктурализма. Теперь уже по воле самого историка речь и прочие психические факторы прошлого деформируют действительность, и создают новые комбинации между различными элементами идеологии и поведения людей. Такой "деструкционалистский" подход оказался достаточно продуктивным в анализе психо-идейной ситуации времени. Лучшим примером использования подобного подхода является статья Г. Вуда о заговорах и параноидальном стиле мышления XVIII в.²⁰ Еще Б. Бейлин и Р. Хофстедтер полагали, что политика американских революционеров напоминала параноидальный стиль поведения, когда люди всюду видят подлость, заговоры, какие-то тайные происки со стороны врагов. Г. Вуд же под параноидальным стилем понимает такой способ причинополагания, который непосредственно связывал природу социальной действительности с необходимостью моральной ответственности за человеческие дела. Этот стиль сформировался в интеллектуальной среде Просвещения XVIII в. и во многом определялся рационалистическо-механистическим видением мира, когда все человеческие дела, в том числе и совершенно непонятные, должны были объясняться рационально, как результат человеческих деяний, т.е. обмана и зловредности самих исполнителей. Отсюда и своеобразие "моральной" философии американских мыслителей XVIII в.

Правда, сегодня историки, используя постструктуралистские подходы, уже отказываются от интерпретации общественной мысли времен Американской революции XVIII в., как в духе традиции дискурса классического республиканизма (Б. Бейлин, Дж. Поукок и др.), так и па-

¹⁷ McCoy D. Benjamin Franklin's Vision of a Republican Political Economy for America // WMQ. 1978. Vol. 35. P. 605–628; Hamowy R. Jefferson and the Scottish Enlightenment: A Critique of Garry Wills' "Inventing America: Jefferson's Declaration of Independence" // WMQ. 1979. Vol. 36. P. 503–523; Appleby J. Op. cit.; Wood G. Conspiracy and the Paranoid Style: Causality and Deceit in the Eighteenth Century // Ibid. 1982. Vol. 39. P. 401–441.

¹⁸ Purvis Th. Origins and Patterns of Agrarian Unrest in New Jersey. 1735 to 1754 // WMQ. 1982. Vol. 39. P. 600–627; Klein R. Ordering the Backcountry: The South Carolina Regulation // Ibid. 1981. Vol. 38. P. 661–680.

¹⁹ Smith D.B. The Study of the Family in Early America: Trends, Problems, and Prospects // WMQ. 1982. Vol. 39. P. 3–28; Smith D.C. A Perspective on Demographic Methods and Effects in Social History // Ibid. P. 442–468.

²⁰ Wood G. Op. cit.

раноидального стиля мышления (Р. Хофстедтер, Г. Вуд и др.). Например, Т. Брин выделяет в дискуссии XVIII в. в качестве доминирующего "нарратива" так называемый "нарратив коммерческой жизни", который был связан с психологией и ментальностью рядового американца-потребителя заморских товаров, участника торговли в "коммерческой империи" Британии²¹. По мнению Брина, именно "коммерческий нарратив" определял все поведение американцев конца XVIII в. Через призму этого нарратива американцы воспринимали и политические проблемы, рассматриваемые ими в контексте торгового соглашения, взаимовыгодной коммерческой сделки и т.п. Отсюда и болезненная реакция американских колонистов на "запретительные акты" метрополии, которые ударили прежде всего по американской торговле и ремеслу. Этим объясняются и явно эгалитарные тенденции движения против ввоза английских товаров, ибо "коммерческий нарратив" объединил *всех* свободных американцев (в том числе и женщин, и трудящихся) как свободных торговых потребителей имперского рынка. (Напомним, что республиканский дискурс объединял в антиколониальном движении *только читающую элиту* колоний.) Т. Брин рассматривает понятие "добродетели", отстаиваемой американцами в воздержании от потребления английских товаров, не просто как республиканскую или протестантскую, а прежде всего как "буржуазную добродетель" (в духе М. Вебера), ибо американцы считали "добродетельным" само их воздержание от покупок, торговли, т.е. опять же все связывалось с "коммерческим нарративом" в дискурсе. «Для потребляющих товары американцев, — пишет Брин, — процесс осмысления (их рыночной деятельности. — С. Ж.) имел неожиданные последствия: создание политических средств, доступных для лиц "всех рангов"; развитие концепции добродетели, пригодной для любых мужчины или женщины, способных к экономическому самоограничению; и формирование новых социальных общностей, основанных на светских интересах, разделяемых всеми участниками этих общностей»²².

Новая ситуация в изучении истории ранней Америки привела к чрезмерной специализации и фрагментации этой истории, ее дроблению. Только в юбилейном (1993 г.) номере журнала "ВМК" перечисляются следующие направления раннеамериканской историографии: *политическая, экономическая и интеллектуальная истории, социальная история*, которая, в свою очередь, делится на демографическую историю, в том числе на историю семьи, секса, женщин, мужчин и детей; историю рабства и негритянскую историю; историю индейцев; историю трудящихся и социальных движений и т.п.²³ Усложнение научного языка при таком дроблении предмета исследования стало отпугивать даже читателей из историков-профессионалов и привело в конечном

²¹ Breen T.H. Narrative of Commercial Life: Consumption, Ideology, and Community on the Eve of the American Revolution // WMQ. 1993. Vol. 50. P. 471–501.

²² Ibid. P. 492, 495, 501.

²³ Forum: The Future of Early American History // WMQ. 1993. Vol. 50. P. 298–424.

итоге к сужению читательской аудитории. Чтобы вернуть читателя, в том числе и журналу "ВМК", потребовались новые "синтетические" работы по истории, совмещающие верификационную практику "сциентизма" с хорошим литературным языком и серьезными теоретическими обобщениями. На наш взгляд, удачной попыткой такого "синтеза" стали статья, а потом и книга Л. Ульрич, посвященные истории повитухи Марты Бэллард из Мэна. Используя оригинальный дневник 1785–1812 гг. этой акушерки из народа, Ульрич не только восстанавливает историю акушерства, но и прослеживает судьбы и положение американских женщин в очень трудный период истории их страны²⁴. Но, высоко оценивая литературное мастерство автора и великолепный язык этих работ, не следует забывать, что их основой было более раннее, еще 1982 г., исследование, написанное научнообразным языком с применением междисциплинарных методов в лучших традициях "новой социальной истории" того времени²⁵.

Возникла необходимость и в "синтезе" того богатейшего фактического и теоретического материала, который ввели в научный оборот различные направления и школы, прежде всего той же "новой социальной" истории. Характерными примерами такого синтеза стали вышедшие в конце 80-х годов четыре книги: это историко-географическое исследование атлантической Америки 1492–1800 гг., осуществленное географом Д. Мейнигом, который попытался восстановить социокультурную географию колонизации Северной Америки; историко-социологические и историко-демографические варианты "синтеза" новой литературы по социальной истории ранней Америки, осуществленные Б. Бейлином и Дж. Грином, и, наконец, свой культурантропологический вариант синтеза с интересными историко-этнографическими зарисовками предложил Д. Фишер²⁶.

На наш взгляд, самыми интересными и увлекательно написанными являются книги Грина и Фишера. Если Грин в качестве нормативного образца последующего развития США выделяет социум района Чеза-пики (Виргинии и Мэриленда), то Фишер в качестве такого образца называет четыре культурных типа (образа жизни), перевезенных британцами в Новый Свет: пуританский, англикано-роялистский, квакерский и пограничный, которые заложили основу формирования региональной культуры будущих США: новоанглийской, чезапикской, пенсильванской и пограничной культуры "глубокого Юга". Все эти

²⁴ Ulrich L. "The Living Mother of a Living Child": Midwifery and Mortality in Post-Revolutionary New England // WMQ. 1989. Vol. 46. P. 27–48; *Idem*. A Midwife's Tale: The Life of Martha Ballard Based on Her Diary, 1785–1812. N.Y., 1990.

²⁵ Ulrich L. Good Wives: Image and Reality in the Lives of Women in Northern New England, 1650–1750. N.Y., 1982.

²⁶ Meinig D. The Shaping of America: A Geographical Perspective on 500 Years of History. New Haven, 1986. Vol. 1: Atlantic America, 1492–1800; Bailyn B. The Peopling of British North America: An Introduction. N.Y., 1988; Greene J. Pursuits of Happiness: The Social Development of Early Modern British Colonies and the Formation of American Culture. Chapel Hill, 1988; Fischer D. Albion's Seed: Four British Folkways in America. N.Y., 1989.

книги стали предметом острых дискуссий, развернувшихся и на страницах "ВМК"²⁷. Что объединяет все эти попытки "социокультурного синтеза" — так это то, что написаны они с позиций старой "имперской школы" историографии США. По мнению их авторов, определяющим фактором в истории ранней Америки были, прежде всего, "британские корни", "европейские семена". Даже привлечение неомарксистской схемы миросистемы "центр—периферия" Им. Валлерстайна, которую активно используют все названные авторы, не спасает их от одностороннего видения процесса колонизации Америки (только с точки зрения европейцев). Выход из данной ситуации нам видится в дополнении "имперской" миросистемной схемы синтеза концепциями в духе Фр. Дж. Тернера, учитывающих своеобразие и особую роль местных, чисто американских факторов. Об этом уже писали на страницах "ВМК" некоторые авторы в статьях к столетнему юбилею сделанного в 1893 г. доклада Тернера "Значение границы в американской истории". Так Гр. Ноублз обратил внимание исследователей на плодотворность использования для социокультурного синтеза истории ранней Америки тернеровской идеи "подвижной границы"²⁸.

Правда, американские историки подчеркивают, что погоня за хорошим нарративом, стремление к синтезу не должны стать самоцелью для исследователей, особенно начинающих. По мнению Ф. Андерсона и Э. Кейтона, даже приведенные выше примеры синтеза раннеамериканской истории являются в лучшем случае примерами или научного комментария, характерного для научных конференций, когда "ведущий пытается соединить в одну концептуальную или сюжетную форму разные доклады выступающих" (книга Бейлина); или аспирантского семинара, "когда его ведущий пытается обобщить различные концепции и теоретические подходы разных историков, навешивая им имена и названия историографических школ" (книга Грина); или лекции для студенческой аудитории, "когда лектор вплетает в свой рассказ различные сюжеты для лучшей аргументации и иллюстрации предлагаемого материала" (книга Фишера). Выступая в дискуссии на страницах "ВМК" о перспективах "синтеза", Андерсон и Кейтон призвали историков учиться мастерству исторического синтеза (когда содержание материала определяет интересную для всех читающих повествовательную форму) у классиков: Э. Гиббона, Ф. Паркмена, Тернера, Ч. Бирда²⁹.

Предлагая различные теоретические дискуссии, редколлегия "ВМК" меняет форму подачи материалов, привлекает к сотрудничеству

²⁷ Forum: Albion's Seed: Four British Folkways in America — A Symposium // WMQ. 1991. Vol. 48. P. 223—308; Greene J. Interpretive Frameworks: The Quest for Intellectual Order in Early American History // Ibid. P. 515—530.

²⁸ Nobles G. Breaking into the Backcountry: New Approaches to the Early American Frontier, 1750—1800 // WMQ. 1989. Vol. 46. P. 641—670.

²⁹ Anderson F., Cayton A. The Problem of Fragmentation and the Prospects for Synthesis in Early American Social History // WMQ. 1993. Vol. 50. P. 299—310.

авторов-неамериканцев, освещает развитие исследований истории ранней Америки в других странах. Так, только в начале 90-х годов выходили специальные номера "ВМК", полностью посвященные таким темам, как история женщин в ранней Америке, история права и юриспруденции в колониальную эпоху, открытие Америки Х. Колумбом, историография, "срединные колонии" (Нью-Йорк, Нью-Джерси и Пенсильвания) и т.п. Именно публикации в американском журнале "ВМК" молодых историков из Австралии: в 70-е годы Р. Айзека, в 80-е Д. Мервик и в 90-е А. Хау — положили начало созданию новой "австралийской" ("семиотической") школы исторической антропологии ранней Америки³⁰. Печатали "ВМК" материалы и о состоянии советской и постсоветской американистики³¹. В целом, журнал объективно отражал главные моменты в изучении истории и культуры ранней Америки, как в США, так и за их пределами. Так или иначе, все специалисты по истории США XVII—XVIII вв. публиковались на страницах этого журнала; "обкатывая" здесь основные идеи своих будущих диссертаций и монографий. Зеркально отражая основные процессы в эволюции американской историографии, журнал "ВМК" в своих публикациях, как бы их авторы сегодня не ориентировались на современные пост-структуралистические и прочие ультрамодные идеалы³², сохраняет верность чисто американскому прагматизму. Это и продемонстрировала Дж. Эпплби в статье, посвященной 50-летию юбилею третьей серии журнала³³. Историки США меньше всего следовали каким-то всеобщим абстрактным теориям для объяснения исторического прошлого. Но, тем не менее, в изучении ранней Америки "телеологическая схема" и "патриотический нарратив" (когда вся история XVII—XVIII вв. воспринималась только через призму политических событий 1775—1783 гг. и образования США) сохранялись в качестве основного теоретического императива (несмотря даже на различные, от неоконсервативных до леворадикальных, взгляды историков. Основным положительным итогом развития раннеамериканской историографии в 90-е годы Эпплби считает "освобождение" историков от "телеологических интерпретаций" и "привнесение в исследование прошлого структурно-функционального анализа". Отказ от грандиозных теорий в духе А. Смита и К. Маркса и использование только *полезных и работающих* на конкретном материале истории теорий — вот, что можно считать возвращением американских историков к прагматизму.

³⁰ Merwick D. Dutch Townsmen and Land Use: A Spatial Perspective on Seventeenth Century Albany, New York // WMQ. 1980. Vol. 37. P. 37—60; Howe A. The Bayard Treason Trial: Dramatizing Anglo-Dutch Politics in Early Eighteenth Century New York City // Ibid. 1990. Vol. 47. P. 57—89.

³¹ Rediker M. The Old Guard, the New Guard, and the People at the Gates: New Approaches to the Study of American History in the U.S.S.R. // WMQ. 1991. Vol. 48. P. 580—597.

³² Brown K. Brave New Worlds: Women's and Gender History // WMQ. 1993. Vol. 50. P. 311—328; Cornell S. Early American History in a Postmodern Age // Ibid. P. 329—341.

³³ Appleby J. A Different Kind of Independence: The Postwar Restructuring of the Historical Study of Early America // WMQ. 1993. Vol. 50. P. 245—267.

Нам представляется, все-таки, что отказ от холистских, универсальных теорий в истории сегодня, — это *не сугубо* американское явление, а скорее *отражение* (как в зеркале) всемирного интеллектуального движения *от* глобальных теорий социального развития, характерных для модернистской академической среды XIX—XX вв., и потерпевших крах в результате экспериментов западного либерализма и восточного коммунизма, в сторону новых, более практичных, не претендующих на универсальность и обязательность результатов, теорий.

Изучая журнал раннеамериканской истории и культуры в качестве историографического зеркала, еще раз убеждаешься в том, что каждое новое поколение историков "делает" (структурирует или деструктурирует) историю по-своему в зависимости от господствующих в их окружении определенных социокультурных приоритетов и общественных запросов.